

Мужун Шу Цин видела, что сердце Цзин Шуй, полное противоречий, испытывало боль, поэтому ей было жаль ее. Но что она могла сказать ей? Человек не всегда может получить то, что хочет, - это непреложная истина. Вытирая слезы со щек Цзин Шуй, Мужун Шу Цин тихонько вздохнула и смиренно сказала: «Цзин Шуй, недаром говорят, два горошка на ложку не положишь, не смотри на выбор как на страдание, по крайней мере, у тебя есть право выбора».

В эту эпоху возможности женщин выбирать были слишком малы, потому что было слишком много людей, таких как отцы, мужа, хозяева, которые принимали решения за них. Женщинам не нужно было иметь свое собственное сознание и потребности, единственное, что им вдалбливали с пелёнок - они должны быть послушными и безропотно подчиняться приказам. Однако, хотя это решение и казалось ей болезненным, у нее должно хватить силы воли принять его.

Медленно прикрыв глаза, Цзин Шуй больше не смотрела на Мужун Шу Цин и вернулась к тому опустошенному виду, что и раньше. Наконец, Цзин Шуй медленно наклонилась и легла, опираясь на тело Мужун Шу Цин. Своим задыхающимся и всхлипывающим голосом она с трудом произнесла: «Но я не знаю, что выбрать. Барышня, вы научите меня, хорошо?»

Рука Мужун Шу Цин, которая гладила длинные волосы Цзин Шуй, внезапно замерла. Как она могла научить ее? Велеть ей не обращать внимания на других людей и печься лишь о собственной красоте, или позволить ей по-прежнему быть мягкосердечной и самостоятельно переносить эти страдания? Она могла бы принять решение за нее, но, в конце концов, Цзин Шуй все равно пришлось бы делать выбор самостоятельно. Раз так, как она могла ее научить?

Наконец, не в силах видеть беззвучные рыдания Цзин Шуй, Мужун Шу Цин решила вмешаться. Вскоре ее медленный, но спокойный голос зазвучал рядом с ухом Цзин Шуй: «Если ты вылечишь свое лицо, ты обретешь счастье, которое давно желала, и в то же время причинишь вред другому человеку. Тебя будет мучить совесть и сомнения. Такого рода счастье и страдания, какое из них тяжелее, а какое легче, по твоему мнению? Выбрав, ты сможешь принять решение!»

Если бы лечение ее лица могло принести ей благословение и счастье, оно того стоило бы, но если это вызовет у нее угрызения совести и беспокойство, так ли оно необходимо? Независимо от того, какой выбор сделает Цзин Шуй, она проявит терпимость и окажет ей всяческую поддержку. И Мужун Шу Цин не пожалеет о том, что позволила ей сделать выбор самостоятельно, потому что такова взрослая жизнь, независимо от того, будет ли это счастьем или страданием, она должна принять собственное решение и взять на себя ответственность за него.

Ночной ветер постепенно становился холоднее, и шелест листьев эхом разносился по двору. Тонкая и простая одежда Цзин Шуй не могла противостоять такому холодному ветру, и она, погруженная в собственные мысли, даже не осознавала этого. Но Мужун Шу Цин с тревогой схватила ее за холодную руку и, накинув ей на плечи свой парчовый плащ, осторожно помогла Цзин Шуй встать и повела ее внутрь.

Цзин Шуй машинально последовала за Мужун Шу Цин, чтобы войти в комнату и лечь спать. Ее

глаза опухли, но взгляд всё ещё выглядел сосредоточенным. Мужун Шу Цин покачала головой и накрыла Цзин Шуй одеялом, затем умиротворяюще сказала: «Сначала поспи, ты можешь хорошенько подумать об этом позже. Не заставляй себя, если ты прислушаешься к голосу своего сердца, ты не пожалеешь о любом решении, которое примешь».

Цзин Шуй, казалось, прислушалась к ее словам, и тихо закрыла глаза. Мужун Шу Цин заметила, что даже несмотря на то, что она закрыла глаза, ее ресницы непрерывно дрожали, показывая ее тревогу. Она боялась, что сегодня вечером, независимо от того, кто - она или Цзин Шуй, - они обе не смогут заснуть.

Так как после той ночи Цзин Шуй больше не виделась с Ци Жуем, игнорируя его, даже когда он кричал за дверью, Ци Жуй начал беспокоиться. Когда он почти сошел с ума, Мужун Шу Цин помешала ему войти.

- Не советую тебе входить сейчас, - Мужун Шу Цин стояла у двери во внутренний двор, блокируя проход порывистой фигуре Ци Жуя, пытающегося войти в Цзин Шуй Я Сюй.

- Почему? - в прошлый раз, после того как он закончил разговаривать с Цзин Шуй, она просто убежала и больше не желала видеть его. Он пожалел о своем поступке. Если бы он не прислушался к словам Цин'эр в то время, не позволил Цзин Шуй узнать правду, а только сказал ей, что она может вылечить свое лицо, сейчас все сложилось бы по-другому.

Мужун Шу Цин беспомощно покачала головой. Ци Жуй уже был не в своем уме, и сейчас у него на лице отчетливо читалось то, о чем он думал. Но было ли действительно хорошо обманывать кого-то во имя любви? В то время Цзин Шуй не была бы счастливее, чем сейчас, она просто столкнулась бы с тем, что кто-то пострадал из-за нее, и это был бы необратимый факт.

Стоя на сквозняке, Мужун Шу Цин не отступила перед натиском истеричного Ци Жуя, спокойно заявив: «Ей нужно хорошенько всё обдумать сейчас. Ты не можешь ей помочь, никто из нас не может ей помочь, ей остается принять решение самостоятельно. Единственное, что мы можем сделать, это полностью поддержать ее в любом решении, которое она примет. Сейчас тебе лучше уйти».

Ци Жуй все еще хотел что-то сказать, но не смог заговорить об этом снова, и только внимательно наблюдал за стройным силуэтом внутри двора. Почему между ними было так много несчастий, подобных этому? Ци Жуй испытал почти физическую боль, заметив, как Цзин Шуй похудела, поэтому он закрыл свои измученные глаза, чтобы больше не видеть огорчающих вещей!

Ци Жуй крепко сжал руки в кулаки, расслабил их и снова сжал. Он продолжал повторять эти действия и, в конце концов, глубоко вздохнул, решив уйти.

Мужун Шу Цин, стоявшая сбоку от двери, слегка подняла голову. Солнце зимой совсем не палило, но оно все еще могло согреть сердца людей. Хризантемы, которые заполняли двор,

постепенно увядали, но еще оставалось несколько упрямых цветов, которые по-прежнему цвели. Цзин Шуй, сидевшая на деревянном стуле в отдалении, выглядела как простой и благородный человек, и Мужун Шу Цин верила, что ее моральные принципы были такими же твёрдыми и непоколебимыми, как и прежде.

На следующий день Лу И увидела Цзин Шуй, с раннего утра сидевшую на том же месте, что и вчера. Она, казалось, вообще не двигалась. Она не ела и не спала, и это так встревожило Лу И, что ей захотелось пойти и утешить ее, но она не знала, что сказать. Встревоженная, она подошла к Мужун Шу Цин и нерешительно сказала: «Барышня, Цзин Шуй, она!..»

Мужун Шу Цин одарила Лу И мирной улыбкой и ответила: «Всё в порядке».

Несмотря на то, что произносили ее губы, в глубине души Мужун Шу Цин понимала, что положение Цзин Шуй было не очень хорошим. Могло оказаться так, что она вовсе не размышляла над выбором, а просто замкнулась в своем собственном мире, пытаясь убежать от всего.

Лу И видела, насколько плачевно состояние Цзин Шуй. Глядя на ее бледное лицо, она тихо сказала: «Я не понимаю. Молодой господин очень искренен по отношению к Цзин Шуй, ему абсолютно наплевать на то, как выглядит ее лицо. Если бы Цзин Шуй смогла отпустить эту проблему, они стали бы завидной парой». Она действительно не понимала, зачем Цзин Шуй так мучила себя, а также молодого господина.

Мужун Шу Цин слегка покачала головой, и ее нежный голос чем-то напоминал пение, когда она заявила: «Именно потому, что Цзин Шуй чувствует искренность Ци Жуй, она хочет подарить ему свое совершенное «я». Столкнувшись с любовью, ей кажется, что у нее самой еще больше недостатков. Но она еще не до конца поняла, что истинное значение любви - это не то, что проявляется на поверхности».

Она не могла позволить ей продолжать в том же духе, поэтому Мужун Шу Цин подошла и села рядом с Цзин Шуй. Ледяной камень заставил Мужун Шу Цин почувствовать холод, который проник в ее тело. Но она не знала, как долго Цзин Шуй сидела здесь. Когда она нежно похлопала ее по плечу, Цзин Шуй медленно-медленно подняла голову, но не могла сосредоточиться на ясных глазах Мужун Шу Цин.

Дождавшись, пока она постепенно придет в себя, Мужун Шу Цин изобразила свою самую лучезарную улыбку и мягко сказала: «Цзин Шуй, сопроводишь меня сегодня на прогулку».

Не зная, заразилась ли она теплой улыбкой Мужун Шу Цин, или хотела избежать путаницы у нее в голове, но Цзин Шуй бодро ответила: «Хорошо!»

Мужун Шу Цин вывела Цзин Шуй из двора Шуан Тянь Би, и вскоре они уже ехали в экипаже

по тропе у тенистого леса. Пейзаж по обе стороны дороги нельзя было назвать красивым, но все равно было тихо и изысканно. Цзин Шуй, и так мало общавшаяся с другими людьми, снова возобновила свои манеры, как тогда, когда она была в Цзин Шуй Я Сюй. Сосредоточенно глядя перед собой, Мужун Шу Цин на некоторое время задумалась, а потом велела Янь Юю повернуть в другую сторону.

Карета, свернув на горную тропу, ускорила ход, и теперь сцены за окном проносились очень быстро, так что увидеть опавшие листья можно было только тогда, когда поднимаешь голову. Ухабистая горная дорога постепенно привела Цзин Шуй в себя, и ей пришлось схватиться за оконную раму, чтобы поддержать свое покачивающееся тело. Цзин Шуй была озадачена, и шепотом спросила: «Барышня, мы... Куда мы едем?»

- К горе Линшань, - три дня назад у нее не было желания соглашаться на приглашение Си Ле Юэ, но раз уж она сегодня вышла с Цзин Шуй, не было ничего плохого в том, чтобы пойти в последнюю минуту. С одной стороны, пейзажи горы Линшань были известны повсюду, а с другой, позволить Цзин Шуй встретиться с этой необычной женщиной тоже было хорошо.

Очень скоро карета медленно остановилась. Мужун Шу Цин взяла инициативу на себя, ловко выбралась наружу и протянула руку, чтобы помочь Цзин Шуй спуститься. Цзин Шуй на мгновение заколебалась, а потом медленно вышла из экипажа. Ее смутило то, что она забыла взять с собой вуаль для сегодняшней прогулки.

Двое людей едва успели дойти до павильона неподалеку, как раздался громкий и ясный насмешливый голос: «Ах ты, твоему высокомерию нет границ! Солнце скоро сядет».

Что касается этого наглого и вызывающего смеха, Мужун Шу Цин совсем не чувствовала себя странно. За исключением Си Ле Юэ, не было другой женщины, которая была бы такой смелой и необузданной, как она. Цзин Шуй услышала голос и неосознанно напряглась, сразу же спрятавшись за Мужун Шу Цин, а затем слегка прикрыла лицо левой рукой. Но на самом деле ей было любопытно услышать этот чистый и яркий смех, поэтому она слегка вытянула голову, чтобы тайком взглянуть на удивительно красивую женщину, которая улыбалась без всякой сдержанности, в павильоне неподалеку.

Мужун Шу Цин вальяжно взяла Цзин Шуй за руку и медленным шагом направилась к павильону.

Едва войдя внутрь, мужской голос, в котором слышалось легкое замешательство, нерешительно спросил: «Это... Цинь гунцзы?»

Мужун Шу Цин подняла голову и столкнулась с парой глаз, которые казались глубокими, как океан.